

В. М. ПАНЕЯХ

УЛОЖЕНИЕ 1597 г. О ХОЛОПСТВЕ

В самом конце XVI в. — 1 февраля 1597 г. — правительство царя Федора Ивановича издало уложение о холопстве, которое призвано было, с одной стороны, законодательно закрепить сложившуюся практику отношений между холоповладельцами и холопами, а с другой — значительно видоизменить ее¹. Большое по объему, сложное по составу, содержащее ссылки на более ранние, но не дошедшие до настоящего времени указы, уложение это является, наряду с известными указами 90-х годов XVI в. о крестьянстве, одним из важнейших законодательных актов после Судебника 1550 г., регламентирующих положение феодально-зависимого населения, и состоит из ряда постановлений, имеющих в виду различные стороны юридического и социального положения холопов всех категорий.

Именно в силу его значения уложение 1597 г. о холопстве не могло не привлечь внимания исследователей. Однако оно либо было предметом общей оценки без тщательного его анализа, либо изучалось лишь в отдельных частях. Это обстоятельство, равно как сложность и противоречивость самого уложения, явилось причиной разноречивой его оценки в исторической и историко-правовой литературе.

Настоящая работа представляет собой опыт исторического комментария к уложению 1597 г. о холопстве².

* * *

Уже содержание вступительной части уложения 1597 г. о холопстве³ позволяет утверждать, что законодатели расценивали его как по-

¹ Уложение от 1 февраля 1597 г. дошло до нас в составе памяти, данной должностным лицам Приказа Холопьяго суда Михаилу Ивановичу Внукову и дьяку Пятому Кокошкину, которая была датирована 25 апреля того же 1597 г., а сама память — в составе Указной книги Приказа Холопьяго суда. Следовательно, и уложение было адресовано в этот приказ. Вследствие же того, что в тексте памяти фигурируют две даты (дата составления уложения и дата составления памяти), уложение 1597 г. часто ошибочно называют апрельским (см., например, А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 85; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. II. М.—Л., 1954, стр. 323, 327). В противоположность установившейся традиции мы называем этот законодательный документ не указом, а уложением. Дело не только в том, что в его тексте несколько раз фигурирует именно термин «уложение», но не «указ». Уложением 1597 г. начинается Указная книга Приказа Холопьяго суда. Это обстоятельство в сочетании с учетом самой конструкции данного уложения наталкивает на предположение, что оно состояло из нескольких указов, сведенных 1 февраля 1597 г. в один документ.

² Поскольку уложение 1597 г. включает в себя несколько постановлений, каждое из которых посвящено отдельному сюжету и составляет как бы отдельную самостоятельную статью, постольку и рассматривать их целесообразно по порядку.

³ «Которые люди, на Москве и по городом, служат в холопстве у боях, и у князей, и у думных, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей, и у всяких торговых людей, по полным и по купчим и по докладным

становление, имевшее целью всеобъемлющую регламентацию холопства, как полного, старинного, докладного, так и кабального. Правительство царя Федора Ивановича сочло необходимым прежде всего пересмотреть владельческие права холоповладельцев на всех принадлежащих им холопов. Этому мероприятию посвящены две первые статьи уложения 1597 г.⁴ Проверку, а вместе с тем и пересмотр владельческих прав господ на принадлежащих им холопов предписывалось проводить посредством записи в Приказе Холопьяго суда в специальных для того заведенных книгах холопых крепостей как на бежавших холопов, так и на холопов, продолжавших в момент перерегистрации службу холоповладельцу. Можно предполагать, что правительство придавало особое значение срочности осуществления этого мероприятия. Во всяком случае оно установило для основного контингента холоповладельцев годичный срок⁵. Феодалам, находившимся на дальней государственной службе, срок был продлен до трех лет. И лишь для так называемых «всяких людей» не был вовсе установлен срок перерегистрации их холопов. Не следует ли это связать с невозможностью для «гостей» и «всяких людей», находившихся в длительных разъездах, даже узнать о новом уложении, не говоря уже о том, чтобы выполнить в определенный срок его предписания?⁶

и по всяким крепостям, и по кабалам по старым и по новым записным кабалам, и от кого которые холопы полные и кабалные люди побежали, и ныне, с лета 7105-го февраля с 1 числа, государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приговорил со всеми бояры». «Памятники русского права» (далее — ПРП), вып. 4, М., 1956, стр. 371.

⁴ Ст. 1: «От которых бояр полные холопы, и кабалные и приданные люди, и жены и дети побежали, и бояром имена своих холопей, и на них крепости, прислати в Холопей приказ, да тех холопей имяна, которые у государей своих служат и которые холопы от кого збежали, и на них крепости старые, полные и купчие и докладные и всякие крепости и кабалы старые в Холопье приказе записывати в книги. А тем всяким холопым крепостным книгам быти за дьячею рукою, большого для укрепления. А пошлин с старых кабал и со всяких крепостей не имати».

Ст. 2: «А приговорил государь со всеми бояры: Московского государства всяким людям холопы имена и на них крепости всякие записывати с нынешняго нового уложения бессрочно. А ближних городов дворяном и детем боярским и всяким служивым людям имяна холопы, и на них крепости всякие, писати в год. А князем и дворяном и приказным людям, которые на государевых на далних службах, в Астрахани, и на Тереке, и на Сушне, и в Сибирских городех, и на Таре с товарищи, и тем князем, и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людям, в ыменах холопых и в крепостях дати строку три года» (ПРП, вып. 4, стр. 371). Здесь и далее деление уложения 1597 г. на статьи принадлежит нам и не совпадает с делением на статьи, предложенным составителями вып. 4 «Памятников русского права».

⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов («Хрестоматия по истории русского права», вып. 3. СПб.—Киев, 1908, стр. 76) оценивал введенный уложением 1597 г. ограниченный срок для записи крепостей не как постановление о перерегистрации всех холопых крепостей, а как уточнение не дошедшего до нас указа 1586 г. о регистрации в кабалных книгах служилых кабал. Однако это противоречит тексту самого уложения 1597 г., в котором сказано о записи именно «всяких крепостей», а не только служилых кабал. Кроме того, завершение (в основном) в Новгороде перерегистрации старых крепостей к 1 февраля 1598 г., т. е. ровно через год после уложения 1597 г. (см. об этом: Е. И. Каменцева. Записные книги крепостям дьяка Дмитрия Алябьева.— «Труды Историко-архивного института», т. II, 1946, стр. 94; В. М. Панеях. Новый источник по истории холопства в XVI в.— «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 206—209; он же, Новгородская записная книга старых крепостей 1598 г. (Опыт реконструкции).— «История СССР», 1960, № 1, стр. 175—181), свидетельствует о том, что введение уложением 1597 г. ограниченного срока относится к перерегистрации всех холопых крепостных актов и к ведению записных книг, куда они и вносились.

⁶ М. Ф. Владимирский-Буданов ошибочно полагал, что уложение 1597 г. давало отсрочку «иногородним служивым людям» «для совершения записи» в книги Приказа Холопьяго суда, узаконенной указом 1586 г. (М. Ф. Владимирский-Буданов. Указ. соч., стр. 76). Дело в том, что Владимирский-Буданов отождествил текущую запись служилых кабал в кабалные книги (со взиманием за это пошлины), предусмо-

Книги, в которые вносились документы, подлежащие перерегистрации, были названы А. С. Лаппо-Данилевским записными книгами крепостным актам XV—XVI вв.⁷, А. И. Яковлев называл их менее удачно — ретроспективными⁸. Мы предпочитаем называть их записными книгами старых крепостей⁹. Получить представление о книгах этого типа можно лишь на основе наблюдений над записными книгами старых крепостей новгородского происхождения, так как только они сохранились до настоящего времени¹⁰. В Новгороде ведение подобных книг было начато 1 декабря 1597 г. и завершено 31 января 1598 г.¹¹, и таким образом оказалось выполненным предписание уложения 1597 г. о холопстве: закончить перерегистрацию холопских крепостей ровно через год после 1 февраля 1597 г. — даты составления уложения.

В записных книгах старых крепостей должны были быть перерегистрированы все акты, оформлявшие состояние холопства (вне зависимости от давности их составления) и не потерявшие значения как документы, обосновывающие владельческие права холоповладельцев на холопов. Самыми ранними из документов, внесенных в книги, являются акты, датируемые концом XV в., а самые поздние относятся к 1598 г. В записные книги старых крепостей вносились следующие разновидности актов: полные и докладные грамоты, служилые кабалы, жилые записи, данные, рядные, духовные, отдельные, купчие на людей, закладные на людей и т. д. Обычно вслед за изложением содержания акта в книгу вносились сведения об изменениях в семейном положении холопов (женитьба, рождение в холопстве детей, смерть членов холопья семьи) и данные о бегстве холопов¹².

Хотя по уложению 1597 г. записные книги старых крепостей должны были вестись в Москве в Приказе Холопьяго суда, на практике, как видим, было разрешено перерегистрировать старые холопские крепости и в некоторых других городах, в частности в Новгороде.

Оценивая предписание ст. 1 и 2 уложения 1597 г. о проведении всеобщей и срочной перерегистрации холопских крепостных документов, следует признать его чрезвычайность и важность в системе мероприятий правительства царя Федора Ивановича конца XVI в. Реализацией этого постановления власти сразу же наводили порядок в делопроизводственной практике, связанной с холопством, а тем самым облегчали проведение столь частых судебных тяжб из-за холопов. Вместе с тем прошедшая перерегистрация холопских крепостей решала задачу, до того, вероятно, неразрешимую. В записные книги оказались внесенны-

тренную указом 1586 г., с беспопытной перерегистрацией в определенный срок всех холопских крепостей по уложению 1597 г., которое почти не изменило практику текущей регистрации служилых кабал.

⁷ См. РИБ, т. 17, стр. III—XXX.

⁸ См. Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 гг. Под ред. А. И. Яковлева. М.—Л., 1938 (далее — НЗКК), стр. IV—V.

⁹ См. В. М. Панеях. О классификации и составе кабальных и записных книг старых крепостей XVI века. — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 397—402.

¹⁰ «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, книги второй половина первая», М., 1855, стр. 31—70; РИБ, т. 17, стб. 1—214; ЦГАДА, ф. 1144, кн. 7/5, лл. 1—72об.; кн. 8/1, лл. 1—125об.; БАН, т. п. 98, лл. 1—107об.; ЛОИИ, Собр. рукописных книг, № 1092, лл. 1—8об.

¹¹ Е. И. Каменцева. Указ. соч., стр. 94.

¹² См., например, РИБ, т. 17, № 37: «Кабала на Ермолку Захарьева сына, прозвище Осташку, да на его жену Марьицу Левонтьеву дочь в четырех рублех; денги заняли у Степана да Ивана у Матфеевых детей Кузминского. Послухи в кабале, у кабалы руки Гриши Васильева сына Ушакова да Нечайка Калинина. Кабалу писал Савка Семенов лета 7096-го марта в 13 день. А детей ди у Ермолки в холопстве родился Овдокимка да Федотка. И Ермолка ди от него Степана з женою и з детми бегает».

ми имена лишь тех холопов, чья зависимость была оформлена документально; имена же всех остальных лиц, которых холоповладельцы считали своими холопами (в первую очередь так называемых добровольных холопов), не были внесены в записные книги, поскольку документов, оформляющих их неволю, никогда не было. Тем самым власти получили возможность резко и решительно выделить всех холопов, чей статус до 1597 г. был оформлен документально, из всей массы лиц, чье положение, с точки зрения этих властей, не было определено, так как отсутствовали документы, оформляющие их холопью зависимость.

Неодобрительное отношение к добровольной службе, обнаруживаемое в законодательстве со времени указа 1555 г. (о нечае суда за снос хозяйского имущества на тех людей, которые жили без крепости)¹³, теперь принимает гораздо более конкретный характер: если не внесен в записную книгу, то холопью зависимость такого лица, поступившего в холопы до 1597 г., следует еще доказать. Другое дело — холоп, крепостной документ на которого был перерегистрирован в записной книге. Его холопье состояние тем самым было доказано, и в этом смысле требование, чтобы записная книга скреплялась дьяком «большого для укрепления», приобретает особый смысл. Безусловно, и поиски бежавшего холопа в новых условиях значительно облегчались.

Следующая статья уложения 1597 г., содержащая предписание, относящееся к полным холопам¹⁴, почему-то не привлекала внимания исследователей. Лишь В. И. Корецкий отметил, что основное положение этой статьи могло быть сформулировано в указе 1586 г., так как последний «внес серьезные изменения в положение докладных холопов, в результате чего уже тогда у законодателя должна была возникнуть необходимость высказаться и относительно других категорий полных холопов в случае, если положение их оставалось неизменным и продолжало определяться Судебником 1550 г.»¹⁵.

Однако только лишь констатацией факта повторения в данной статье уложения прежних постановлений, будь то Судебник 1550 г. или указ 1586 г., едва ли следует ограничиваться. В частности, не может не возникнуть вопроса о том, какие именно нормы Судебника 1550 г. подтверждает данная статья уложения 1597 г. и в интересах каких социальных групп это было сделано.

Не вызывает никакого сомнения, прежде всего, что законодатель имел здесь в виду те нормы Судебника 1550 г., которые регулируют положение полного холопа, так сказать, изнутри, т. е. после оформления полной грамоты. Таковы нормы, сформулированные в ст. 76 («О холопстве суд»), 77 и 79 Судебника¹⁶. С другой стороны, текст ст. 3 уложения 1597 г. не позволяет включить в число статей Судебника, на которые ссылался составитель уложения, ст. 63 и 66¹⁷, оставившие за наместниками и волостелями, которые держали кормление с боярским судом, право давать полную грамоту. На это указывает ст. 10 уложения 1597 г., которая свидетельствует о том, что к 90-м годам порядок

¹³ ПРП, вып. 4, стр. 514.

¹⁴ Ст. 3: «И которые люди служат в холопстве у бояр, и у князей, и у дворян, и у приказных людей, и у детей боярских, и у всяких служилых людей, и у гостей, и у всяких торговых людей по полным, и по купчим, и по рядным, полные люди, и те люди, и жены их и дети, в холопстве тем своим государем и их детям, по прежнему государеву уложению по Судебнику» (ПРП, вып. 4, стр. 371).

¹⁵ В. И. Корецкий. Очерки по истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (канд. дисс.). М., 1957, стр. 260.

¹⁶ «Судебники XV—XVI веков», М.—Л., 1952, стр. 168—169.

¹⁷ Там же, стр. 162—163.

оформления полных грамот видоизменился: теперь они могли быть составлены лишь постельничим и наместником Московской трети.

Однако не одними только ст. 76, 77 и 79 Судебника определялось юридическое положение полных холопов и не одни только эти статьи имелись в виду законодателем, когда он ссылался на Судебник. В 78-ю, так сказать, кабальную статью Судебника включена весьма важная норма, имеющая непосредственное отношение к полному холопству: «А имати им кабалы на волных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати»¹⁸. Комментируя ст. 78 Судебника 1550 г., Б. А. Романов отметил, что «в основном она решает ставший, очевидно, массовым случай столкновения в суде двух прав на одного и того же работного человека — и решает его в пользу старины, защищая интересы и неприкосновенность прав группы старинных холоповладельцев»¹⁹.

Возможно, что те же причины вынудили законодателя включить и в недошедший до нас указ 1586 г. подтверждение этой нормы ст. 78 Судебника, нарушение которой приняло, очевидно, достаточно серьезные размеры, с обоснованием введения доклада и регистрации кабальных сделок необходимостью соблюдения действующего законодательства о контингентах лиц, оформление неволи которых служилой кабалой было разрешено или, наоборот, запрещалось. Если предположить, что в 1586 г. дело обстояло именно таким образом, то едва ли есть основания исключать приведенную норму ст. 78 Судебника из числа норм, подтвержденных в ст. 3 уложения 1597 г.

Но включение в состав уложения 1597 г. статьи, подтверждающей неизменность юридического положения полных холопов вообще и подтверждение им нормы, запрещавшей брать служилые кабалы на полных холопов в частности, в то время как московские власти вполне определенно стали отдавать предпочтение кабальному холопству, свидетельствует, что в 1597 г., как и ранее (в 1550 и 1586 гг.), центральное правительство было заинтересовано не только в том, чтобы удовлетворить интересы основных собственников кабальных холопов (дворян-помещиков, детей боярских²⁰), но и в том, чтобы обеспечить интересы (или хотя бы не затронуть их) основной массы старинных холоповладельцев — очевидно, главным образом крупных бояр-вотчинников.

Содержанием следующей (4-й) статьи уложения 1597 г. является подтверждение несохранившегося указа 1593 г. о выдаче новых крепостных холопых документов взамен утраченных во время или после московского пожара 1571 г.²¹

Ряд исследователей предпринимал попытки реконструировать содержание утраченного указа 1593 г. В результате в литературе довольно прочно установилось мнение о том, что в случае утраты старых крепостей и сделанной об этом своевременной явке указ 1593 г. предписывал

¹⁸ «Судебники XV—XVI вв.», стр. 169.

¹⁹ Б. А. Романов. Комментарии к Судебнику 1550 г.— «Судебники XV—XVI вв.», стр. 286.

²⁰ См. об этом В. М. Панеях. Кабальное холопство в Русском государстве XVI в. (канд. дисс.). Л., 1960, стр. 78—91.

²¹ Ст. 4: «А у кова на холопа или на рабу была полная или докладная, или у ково по рядным и по докладным или по духовным грамотам и по иным старинным крепостям холопи служили, а те будут у них полные и докладные, и рядные, и данные, и духовные и всякие старинные крепости в московской пожар в прошлом 79-м году, и после того в ыные пожары погорели, или будет иным каким обычаем те у них крепости утерялись, и в том у них даваны явки, и явки сыщут, а крепостей на тех людей нет, и тем людям на тех своих крепостных и на всяких старинных людей по прежнему государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии приговору сто первого году с марта имати в службе новые крепости» (ПРП, вып. 4, стр. 372).